

чивается полной бессмысленностью, порядок — хаосом, справедливость — полным попранием всяких нравственных устоев? А ведь такое бывает сплошь и рядом: царь Эдип, равно как и кафкианский «Процесс», никуда с Земли не собираются исчезать, и во мне бродит смутное подозрение, что вряд ли они исчезнут и в будущем.

Увы, подробный разбор «Клетки» выходит за рамки этого краткого отзыва, а в романе, поверьте, найдется много любопытного и для читателя, и для профессионального критика. Тот, кто не поленится не только прочитать «Клетку» (что, как я уже говорил, само по себе довольно серьезное занятие: роман Кругосветова не для любителей Насти Каменской или Виолы Таракановой), не только над ней поразмышлять, но и подвергнуть ее литературному анализу, конечно же, найдет там массу недостатков, не совсем оправданных длиннот, слишком прямых аллюзий: взять хотя бы «Великого инквизитора» Достоевского и уже упомянутого Кафку. Но надо вновь отдать должное дерзости автора: Кругосветов все-таки не побоялся ни Кафки, ни Достоевского и представил свою версию «Эдипа—Процесса». Можно за это Кругосветова хвалить. Можно ругать. Но уже то, что литератор (удачно или неудачно — судить читателю) вновь напомнил нам о существовании *настоящей истинной СИСТЕМЫ-СУДЬБЫ*, которую многие апологеты глобального мира или сторонники альтернативного развития человечества стараются не замечать, но которая по-прежнему то здесь, то там будет напоминать о себе, неожиданно вытаскивая их из теплых кроватей, безжалостно перетряхивая, словно пыльное одеяло, их, казалось бы, навсегда устоявшуюся жизнь, достойно самого внимательного к роману отношения. Что греха таить, не так уж и много в свернувшей на мировую обочину, сдавшей прежние свои позиции современной российской словесности литераторов, осмеливающихся вновь вытаскивать на свет Божий навсегда закрепленные за тем же Шекспиром и Кафкой поистине мировые вопросы и заведомо знающих: они будут за подобную дерзость подвергнуты жесткой, если не жестокой критике. Но с другой стороны, почему бы не попытаться потягаться с самим Софоклом и еще раз пробить в тот же самый набат? Ведь гости на пороге вашей квартиры способны возникнуть в любое мгновение — и что вы будете делать, когда услышите следующее: *«Вы арестованы...А у арестованного нет никаких прав. Никаких гражданских прав. Поэтому спрашивать наши документы, ордер на арест и прочее вы тоже не имеете права. Здесь все зависит только от нас. Пройдите в спальню и ждите, пока решается ваша судьба»?*

Илья БОЯШОВ

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Эмилия Кундышева. Петербургский рассказ. СПб.: Союз писателей СПб.; Петрополис, 2018. — 104 с.

Как журналист Эмилия Кундышева в постоянном круговороте событий: престижные презентации, выставки, встречи с людьми состоявшимися и теми, кто оказался на самом дне. Первая часть книги, «Петербургский визит», посвящена современному «светскому» Петербургу. Но предвещает ее «погружение на глубину в сто лет» — воспоминания старой дамы о своем детстве в дореволюционном Петербурге. Ее семья владела доходным домом на Коломенской улице, занимала двенадцать комнат на втором этаже. Престарелая дама многое помнит: приемы гостей, как одевались взрослые,

что подавали к столу. «Никогда взрослые не здоровались первыми с детьми, никогда мужчины не подавали первыми руку женщине, никогда горничные не делали реверанс, никогда дамы не пользовались веерами днем... а в фильмах, что потом снимались про эти времена, все показывалась наоборот...» Обилие подробностей обыденной жизни. После революции мать заявила новым властям, что добровольно отдаст дом, а жильцы подтвердили, что домовладельцы их никогда не притесняли, «и нам оставили маленькую комнату в нашей квартире... И я не скажу, что потом все было плохо, — все стало иначе...» Светская жизнь современного Петербурга — это и один день с известным меценатом бароном Фальц-Фейном, русским эмигрантом из Лихтенштейна, не жалевшим денег на русскую культуру. И рассказ гардеробщика петербургского казино о «светской» жизни. Актер и психолог, он должен учитывать «менталитет» гостей, среди которых и VIP-персоны, и кавказцы, и китайцы, бывшие советские функционеры и молодые бизнесмены, казенные растратчики и «бандиты». Не раз гардеробщик казино становился свидетелем «достоевщины» — страданий проигравших посетителей. В первую часть сборника включены и рассказы о нравственном выборе, который часто приходится делать в повседневной жизни и о последствиях, которые следуют за ним. Вторая часть, «Петербургский Клондайк», посвящена парадоксам современной жизни Петербурга. Врач, сторонник безмедикаментозного лечения, что в перерыве между приемом больных закапывает себе в нос купленные в обычной аптеке капли интерферона от насморка. Собрание в Доме культуры, где представители двух альтернативных объединений, только что гневно обличавшие друг друга на сцене, после собрания дружно и весело сидят за накрытым столом в местном ресторане. Мастер — золотые руки, требующий у властей открыть музей деревянных расписных мисок, хотя мисок у него и нет. А всегда ли можно верить критикам-искусствоведам? Вот памятник знаменитому поэту, у которого ноги как бы вырастают из груди. Одни критики ругали скульптора за приверженность авангардизму, другие с восторгом писали о современной трактовке образа поэта. По признанию автору самого скульптора, мраморная статуя разбилась при установке, но связанное с юбилеем открытие было отложить нельзя, и он кое-как скрепил конструкцию. А можно ли верить нищим? Однажды на Невском, у Казанского собора, среди убогих нищих, журналистка встретила давнего знакомого, бизнесмена, владельца двух кафе, как всегда, элегантного, в дорогом костюме и в сопровождении мопса. Он сообщил, что разорен, и, чтобы поправить положение, собирает деньги якобы собачке на дорогую операцию на глазах. Деньги ему подавали купюрами. Через две недели в телефонном разговоре с ним выяснилось, что у него все в порядке и он открывает новое кафе на Невском. Загадкой для автора осталось, почему прохожие активно подавали небедному с виду мужчине, почти игнорируя просящих милостыню убогих. А всякий ли сборщик средств «на храм» может ответить на вопрос, что он думает о блудном сыне. Возможный ответ: «Библию не читал». А какой великий артист погиб в божье, искусно представлявшемся слепым, — Паниковский в исполнении З. Гердта — жалкая поделка. Э. Кундышева пишет о том, что знает не понаслышке, ведь одно время она работала и для газеты «На дне» и немало времени проводила среди обитателей ночлежки, жертв современных «Манон Леско» или собственного алкоголизма. Как-то автору пришлось готовить материал-опрос на тему «В чем феномен Петербурга?». Внятного ответа она не получила ни у иностранных гостей, ни у художника на вернисаже, ни у члена съемочной группы на презентации документального фильма. А на пути от гостиницы «Москва» до ночлежки, что в десяти минутах от гостиницы, задумалась: «Не является ли территориальная близость пятизвездочной современной гостиницы и столетней трущобы одним из признаков феномена Петербурга?» Мелькнула мысль и на бегу от Дома журналистов к Фонтанке по Невскому: «Не в том ли феномен Питера, что он всегда остается гоголевским и досто-

евским? ...Вот я, например, несусь сейчас по городу, как нос гоголевского Ковалева». Петербургский рассказ как калейдоскоп современной жизни Петербурга и его обитателей.

Елена Колина. Как мама была маленькой. Книга для дружбы детей и родителей. Худ. К. Толстая. М.: АСТ, 2018. — 237 с.: ил. — (Мама инстаграма).

Эта книга для тех, кто любит, чтобы было смешно и забавно. Как у Л. Пантелеева про непослушных девочек Белочку и Тamarочку, как у Н. Носова про Мишкину кашу. Мир Маленькой Мамы обширен: папа, мама, две бабушки, дедушка, и у каждого свои методы воспитания. А еще друзья мамы, хороший мальчик Левочка из соседней квартиры, лучшая подруга Ася, еще более жадная, чем сама Маленькая Мама. Сама же она девочка с характером. Не ангел: врала, хитрила, жадничала, отнимала игрушки у детей, сбрасывала манную кашу за батарею. Ее даже хотели за «безобразия» исключить из детского сада. Но тут она совершила настоящий подвиг, и ее оставили. Писатель, семейный психолог Елена Колина строит свою книгу необычно. Это не просто забавные рассказы, но и своего рода «учебник» по отношениям взрослых и детей в семье, в детском саду, в школе, с друзьями и соседями. Эту книгу надо не просто читать, но и обсуждать со своим ребенком. После каждого рассказа — вопросы для детей помладше, шести-семи лет, и для тех, кто постарше. А еще комментарии для родителей, которые детям читать совсем необязательно. Например, как задавать вопросы детям? Важно говорить только о чувствах и поведении Маленькой Мамы, не задевая приватную зону своего ребенка, не настаивать, если он не отвечает на вопрос, не спрашивать, а что бы делал ты. Опосредованно понять проблемы своего ребенка можно из его ответов — или молчания — на вопрос, из его поведения. Например, знакомая ситуация: Маленькую Маму, первоклассницу, третировал мальчик постарше: отбирал булочки, обещал убить. Она стала плохо учиться, плохо спать. Разрядка наступила, когда девочка взяла из ящика серванта полученную бабушкой зарплату и отнесла мальчишке, и в ситуацию вмешалась мать. Для обидчика дело кончилось плохо: Маленькая Мама вернула веру в себя и круто поквиталась за свои страдания. Из ответов на вопрос, что лучше было делать Маленькой Маме, когда в школе ее обижали, в зависимости от того, какой вариант ребенок выберет между «пожаловаться», «подраться» или «молчать и терпеть», можно понять, какая стратегия ему близка и что он сделает, оказавшись в подобной ситуации. На усмотрение родителей — читать или нет — глава 10: «У Левочки было два звездных неба», о том, как маленький мальчик переживал развод родителей. В подобную ситуацию попал внук автора, и чтобы утешить его и себя тоже, Е. Колина и начала рассказывать ему о детстве его мамы Машки. Ей хотелось, чтобы он понял, что в жизни Маленькой Мамы тоже случались сложности. Чтобы понял: жизнь длинная, сегодня одно, а завтра совсем другое, что плохое и трудное случается не только с тобой, но и с другими людьми, и это можно как-то пережить. «Маленькую Маму я понимаю теперь лучше, чем понимала свою дочку много лет назад, была очень молодой студенткой», — признается Е. Колина. Например, ей стало понятно, «почему она хотела всегда быть со мной, каждую минуту. Почему ждала меня под дверью ванной комнаты и на одной ноте выводила „aaa-aaa-aaa“. Я торопилась, обжигалась горячей водой, сердилась. Мне казалась, она вредничает. А что если ей было очень одиноко?» Что дает детям совместное с родителями чтение и обсуждение? Е. Колина считает, прежде всего — развитие ребенка. Когда ребенок думает и говорит о чувствах, у него развивается эмоциональный интеллект. Когда ребенок отвечает на вопросы, у него развивается речь. А еще дети станут лучше понимать родителей, бабушек и дедушек, друзей. Что совместное чтение дает родителям? Возможность лучше

понимать своих детей и вместе решать их проблемы. Например. Маленькая Мама хочет подружиться с одной девочкой, а та не хочет с ней дружить, и Маленькая Мама ужасно переживает. Что делать? Что делать, если ребенок пробует себя в разных кружках, а получается не очень? Что лучше — простить обидевшего тебя друга или сердиться? После чтения главы «Как Маленькая Мама была гением» взрослым самим предстоит ответить себе на вопрос, что важнее: успехи детей или их душевный покой? А по ответам своего ребенка на вопросы определить мотив, по которому ваш ребенок стремится к первенству (если стремится): это его собственное желание, или он старается для родителей, опасаясь, что бесталанного ребенка перестанут любить. Каждый разговор на важные, сложные темы, каждую главу завершает формула из десяти слов, которые нужно или можно сказать ребенку в определенной ситуации. Если он идет в новую школу, если он нервничает, если его обижают и если он обижает других... Если жадничает и если раздает все свое... Если с ним не дружат и если не дружит он... Совместный поиск выхода должен помочь ребенку вступить во взрослую жизнь, а себе вырастить друга. А десять слов, которые нужно повторять каждый день: «Мой ребенок — лучший в мире. Мой ребенок и я — мы друзья». И помнить, что ребенок должен быть уверен, что его любят «запростотак».

Александр Ливергант. Вирджиния Вулф: «моменты бытия». М.: АСТ, 2018. — 445 с. — (Литературные биографии).

Британская писательница и литературный критик Вирджиния Вулф (1882—1941) не только знаковая персона английской классической литературы, но и ведущая фигура модернистской литературы первой половины XX века. И поныне по ее произведениям снимают фильмы, ставят спектакли. Ее романы считаются классическими произведениями «потока сознания». В отличие от традиционной прозы двигатель сюжета в них не цепочка событий, а «вспышки ощущений», нескончаемый, сбивчивый поток разнородных, несочетаемых мыслей, впечатлений, ассоциаций, метафор. В период между двумя мировыми войнами В. Вулф играла заметную роль в Лондонском литературном обществе и являлась членом кружка Блумсбери — элитарной группы английских интеллектуалов, писателей и художников. В 1917 году основала вместе с мужем семейное издательство «Хогарт-пресс», позволившее им самим решать, какие работы предоставлять публике. Фактически Вулфы формируют первый мощный поток элитарной английской прозы: печатают собственные произведения, работы Т.-С. Элиота, К. Мэнсфилд. Они впервые знакомят английскую публику с трудами З. Фрейда, рассказами И. Бунина, воспоминаниями М. Горького. В. Вулф высоко ценила русскую литературу, предпочитая современным английским авторам русский «золотой век», Уэллсу, Беннету, Шоу, Голсуорси — Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова. Она считала, что «русские смотрят в суть вещей», тогда как англичане «не любят смотреть правде в глаза»; что русские наблюдательнее, «видят дальше нас, им свойственно „удивительное многоголосие“». Александр Ливергант — литературовед, критик, главный редактор журнала «Иностранная литература», рассказывает о том, как писались книги В. Вулф, как она относилась к своему труду, к славе к критике, какие задачи перед собой ставила и как их решала. Он проясняет ее писательский метод, литературные симпатии, влияния, оказанные на нее, и те, которые оказывала на текущий литературный процесс она. Дает подробный анализ произведений В. Вулф. По дневникам и письмам ключевых участников событий воссоздает похожую на роман биографию писательницы. «В конце концов, что может быть занятнее, чем биография писателя?» Она росла в многодетной семье со строгими викторианскими устоями. С детства находилась

в компании интеллектуалов, среди нескончаемых разговоров о литературе, живописи, музыке. Родительский дом посещали классики викторианской литературы и живописи. Своим культурным кругозором она обязана отцу Л. Стивену (1832—1904), видному критику и биографу, специалисту по XVIII веку. После смерти Л. Стивена его дети, переехав из дорогого респектабельного Кенсингтона в дешевый богемный район Блумсбери, совершили прыжок из викторианской эпохи, «школы викторианских гостиных и чайных церемоний», в эпоху эдвардианскую, в вольную жизнь. «Викторианский этикет остался в прошлом: атласные платья и белые перчатки уступили место сигарете, велосипеду и французскому роману». На новом месте и сложился блумсберийский кружок, ядром которого стали кембриджские друзья брата Вирджинии Тоби. Подробно рассказано о взглядах молодых радикалов, их идейных исканиях, о сложных личных отношениях, не всегда только дружеских, но и любовных. Большинство блумсберийцев проявило себя лишь в разговорном жанре, однако со временем общество пополнялось новыми именами, впоследствии выдающимися. Среди них экономист Д. Кейс, философ Б. Рассел, писатель и журналист Леонард Вулф, в 1912 году ставший мужем Вирджинии Стивен. На протяжении всей жизни В. Вулф страдала тяжелым маниакально-депрессивным психозом, неоднократно лежала в психиатрических лечебницах, проводила время в домашней изоляции. Первый сильный приступ случился после смерти матери и сводной сестры, когда Вирджинии было тринадцать лет, последний стал причиной ее смерти. Зигзаги психического состояния подробно описаны в книге. Не терявшая памяти во время приступов, В. Вулф использовала свою болезнь для передачи бредовых состояний и внутренних монологов героев своих произведений. Ее биография и творчество неразделимы: в ее книгах отражены впечатления детства, эпизоды из собственной жизни, воспоминания о большой семье, о зарубежных путешествиях, в которых ее занимали не архитектура, не музеи, даже не люди и местные нравы, а «пейзажи, звуки, волны, горы». Прототипами ее героев становились члены семьи, друзья, близкие. В конечном итоге эта книга не только яркое жизнеописание крупнейшей английской писательницы, но и «коллективный портрет» наиболее заметных фигур английской литературы 20—40-х годов, данный в контексте бурных литературных и общественных явлений первой половины XX века.

Владимир Василик. Россия и европейский империализм. СПб.: Алетей, 2018. — 224 с.: ил.

Владимир Василик рассматривает основные узлы русской истории: от Крещения до Второй мировой войны. Свободно ориентируется в сложных вопросах истории Древней Руси, в непростых проблемах истории XX века. Факты, статистика, точное, четкое изложение. Он прослеживает глубинную связь между Первой Отечественной войной 1812 года и Великой Отечественной. Для него история России нераздельна. И советский период не провал, не дыра, а органическая часть русской истории. В. Василик не только доктор исторических наук, но и богослов, протоиерей Русской православной церкви. В истории для него все промыслительно и нет ничего случайного. Как чудо русской истории видит он обращение в православную веру князя Владимира и мирное крещение народа. Другое чудо — правление Ярослава Мудрого, альтернативой чему стала бы победа Святополка Окаянного, зятя польского короля Болеслава Смелого, что привело бы к колонизации и окатоличиванию Руси. Чудо Господне — и явление Александра Невского, который не только отстоял северо-запад Руси от шведской и немецкой агрессии, но и совершил определивший жизнь Руси на века политический и духовной выбор между Западом и Востоком, между внутренним растрепанием и внеш-

ним порабощением. Его понимали не все современники, глухая вражда к его имени существует и сегодня. Промыслительно, что внешнее рабство в конечном счете привело русский народ и к духовной свободе, и к небывалому государственному величию. С именем преподобного Сергия Радонежского связано и начало освобождения Руси от монгольского ига, и подлинное воцерковление Руси. Неожидан взгляд на Петра I, учредившего Синод, подчинившего Церковь государству, реквизиовавшего церковные земли, переплавлявшего колокола на пушки. Именно с Петра, по мысли автора, начинается блестящая эпоха русского миссионерства и просвещения. Не случайны и промыслительны и все смутные и кровавые события XX века. Страшна катастрофа 1917 года, но она спасла русскую культуру от оккультных и нравственно-нигилистических соблазнов. Не случись революции, будущие вероятные наследники Николая II, скорее всего, отстроили бы оккультную империю, — и общество, и, прежде всего, его высший слой были готовы к этому. Страшны сталинские гонения на Церковь, ссылки и расстрелы священнослужителей и мирян, жертвы коллективизации, всероссийский (а не только украинский) голод 1933 года. Но «жизнь зачастую состоит из выбора не между добром и злом, а между большим злом и меньшим». Большим злом стал бы Троцкий у власти. «Из всей так называемой коммунистической „элиты“ Сталин был наиболее прагматичным, наиболее национально-мыслящим и, как ни странно, наименее безжалостным.... Нельзя забывать, что коммунисты в 1917—1922 годах сохранили большую часть территории исторической России, что сейчас мы живем плодами сталинско-брежневской индустриализации, нашу независимость обеспечивает ВПК и ракетно-ядерный щит, заложенный при Сталине... И не более ли безнравственно и коррумпировано наше современное общество, чем при Сталине? То, что было собрано к 1991 году, создалось неимоверным подвигом и страданием русского народа, в том числе и новомучеников и исповедников российских, и поэтому вдвойне тяжок грех тех, кто это разворовывал». Чудом XX века стала победа в Великой Отечественной войне. И то, что сейчас происходит с Россией, тоже чудо, считает автор: по всем земным законам Россия должна была быть уничтожена еще в 1991 году. С позиций богослова В. Василик рассматривает житие Александра Невского, гимнографические памятники петровской эпохи 1709 года. Библейские образы, цитаты из Священного Писания и псалмов исполнены смыслом, нам уже невнятных. Благодаря методу «библейских тематических ключей», используемому автором, сквозь риторику проступают исторические реалии, оценки событий их современниками. Язычниками-амаликитянами предстают в житие Александра Невского крестоносцы, разграбившие Константинополь в 1204 году (одна из причин отказа Александра Невского от союза с Западом). Лжехристианским представало шведское лютеранство в службах, посвященных Полтавской баталии, апокалипсической бранью с дьяволом виделась война со Швецией, повторением Иудиного греха — измена Мазепы. Над текстами служб работал и малороссиянин Феофилакт Лопатинский, отнюдь не сторонник петровских преобразований. Но он выражал не свою личную точку зрения, а общецерковную и общероссийскую, не только великорусскую, но и малороссийскую. С помощью метода библейских семантических ключей автор прочитывает стихотворения Жуковского, Карамзина, Пушкина, находит параллели между Дмитрием Самозванцем и Наполеоном в пьесе Пушкина «Борис Годунов». С религиозной точки зрения оценивает одержимого «похотью всемирной власти» Наполеона, атеиста особого рода, пытавшегося манипулировать Церковью и Богом. В. Василик развеивает мифы о Гитлере как христианине, борце с атеизмом и большевизмом. Опираясь на труды сербского философа XX века святителя Николая Велимировича (1881—1954), В. Василик дает духовно-нравственную оценку — нелцеприятную — европейской цивилизации как агрессивной и развивает мысль Велимировича о несовместимости по своей сути русской и западной цивилизации и неизбеж-

ности конфликта между ними. В предисловии к книге академик М. Фролов пишет о глобальном противостоянии России и Европы, частью которого является и информационная война, книгу В. Василюка он расценивает как убедительный труд против фальсификации истории России.

Джон Сондерс. История монгольских завоеваний. Великая империя кочевников от основания до упадка. Пер. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2019. — 287 с.

Монгольские завоевания XIII века ввергли мир в хаос. Кочевники Центральной Азии за короткое время завладели территорией, простиравшейся через всю Азию до границ с Германией и берегов Адриатического моря. Они уничтожили королевства и империи и оставили большую часть Старого Света потрясенной и навсегда изменившейся. Целые народы были изгнаны с насиженных мест и рассеяны по свету. Британский историк Джон Сондерс (1910—1972), специалист по средневековой исламской и азиатской истории, в свое время был обескуражен тем, что в английской литературе практически нет книг о монгольских завоеваниях. Причиной тому он считал масштабность предмета и лингвистические проблемы. Он принял вызов и представил документально подтвержденную историю взлета и падения Великой Монгольской империи, дав впечатляющую картину изменений политического, этнического, языкового, религиозного ландшафта на протяжении почти тысячелетия. Свой рассказ он начинает с древней истории евразийского кочевничества, с истории Тюркского каганата (552—603), много внимания уделяет периоду с 750-го по 1200 год, что отделяют распад империи тюрков от подъема империи Чингисхана. Центральная тема — рождение, расцвет и падение Великой империи монголов. Для нас, стандартно сводящих монгольское нашествие к территориям русских земель, непривычно увидеть его в подлинных масштабах: Китай, Средняя Азия, Персия, Кавказ, Европа — Чехия, Моравия, Венгрия, Силезия, Польша. Монгольские завоевания сопровождалось опустошением обширных регионов, разрушением городов и памятников культуры. Многие города исчезли с карты земли и далеко не все восстановились позднее, проводились массовые казни устрашения — своего рода психологическая война. Подробно рассмотрены войны и походы армий Чингисхана и его потомков в XIII веке в Азии и Восточной Европе. Русские земли у Сондерса лишь окраинная часть Монгольской империи, при том не самая пострадавшая, о ней он и упоминает вскользь. Обширная империя не могла управляться из одного центра, которым изначально был избран Каракорум, а с 1264 года столицей стал Ханбалык (Пекин). Чингисхан разделил свои владения между сыновьями, со временем крупнейшими осколками Великой Монголии стали Империя Юань, Золотая Орда, Государство Ильханов и Чагатайский улус. Д. Сондерс рассказывает об особенностях систем управления, сложившихся на этих территориях, о судьбах государств, рисует портреты их правителей. Подробно изложена биография легендарного Чингисхана, чьей целью в отличие от ранних завоевателей-варваров было именно завоевание, а не примитивный грабеж. И он не только создал империю, но так хорошо организовал ее, что она продолжала существовать еще пятьдесят лет после его смерти. В монгольском правлении Д. Сондерс находит и плюсы: оно облегчило смешение культур; развивались внутренние коммуникации, была обеспечена безопасность дорог, а значит, и торговля; при монголах Китай перестал быть изолированной страной, и к нему пробудился интерес европейцев. Что касается Руси, то монгольский пример навязал ей ярмо централизованного абсолютизма, она лишилась свобод киевского периода истории, но в то же время, отмечает автор, в культуре современной России он не смог най-

ти примеры искусства или науки, позаимствованные у тюрок или монголов. «Азии русские ничего не должны. Но за свое долгое и печальное подчинение Русь со временем взяла реванш — она расширилась за Волгу и Уральские горы по всему Евразийскому континенту». Причины распада монгольского владычества Д. Сондерс видит в том же, в чем и успехи их походов: политическая анархия среди русских князей; вражда и конфликты между правителями Европы, стремившимися извлечь преимущества из поражения своих соседей; слабость и раздробленность государств. Все эти болезни поразили со временем и монгольскую верхушку. XIV век стал веком заката монгольских государств. Д. Сондерс признает, что в конечном счете спасение Европы произошло благодаря внешним факторам, а не доблести и единству ее защитников. Бату прервал свой поход на Европу, чтобы принять участие в выборах нового великого хана вместо умершего Удэгея; в XIV веке сокрушительный удар монголам нанес Тамерлан. Самое интересное в этой книге — религиозный аспект: борьба между буддистами, мусульманами и христианами за влияние на умы и души язычников-монголов, веровавших в бога Тенгри (вечный голубой небосвод). Христианский мир рассчитывал на сотрудничество с монголами против ислама: интриговали римские папы, засылались миссионеры. Все планы монголо-христианского сотрудничества против мусульман оказались неудачными. Монголы с одинаковой жестокостью обрушивались и на христиан, и на мусульман. Из трех религий — буддизм, ислам, христианство — ислам вышел из монгольского потрясения усиленным, а христианство — ослабленным. Среди причин: малочисленность христианских общин в Азии; взаимная вражда несториан, православной и католической церквей; реакция азиатских народов на крестовые походы; распространенность ислама среди тюркских народов на территории Орды. Любопытно, но автор считает, что прими монголы христианство, они могли бы интегрироваться в христианскую Европу, как это произошло с венграми и болгарами, а вскоре и с литовцами.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)